

СЕДЬМАЯ ДВЕРЬ ПОД МОСТОМ

Денис Наилевич Тавхутдинов

Седьмая дверь под мостом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72492379

SelfPub; 2025

Аннотация

Под мостами города шепчут двери. Шесть заперты печатями, седьмая появляется раз в десятилетие и требует плату – память, имя, голос. Когда исчезает девочка, следопытка легенд Майя Коваль ввязывается в гонку с Коллекционером, торговцем чужими воспоминаниями. Чтобы вернуть похищенных, Майе нужно открыть Седьмую раньше него и уравнять чаши – предложить плату равной ценности. Но если её самый сильный «узел» – голос матери, однажды уже спасший её из воды? До рассвета – один шанс. Город слушает тех, кто берёт ответственность, и сурово расплачивается с теми, кто пытается обмануть весы.

Денис Тавхутдинов

Седьмая дверь под мостом

Глава 1. Весы у воды

Ночь держала город в ладони, и нижняя площадка Семного Моста дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Склад с ржавыми клёпками звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Нижняя площадка семного моста звенела, как струна; редкий снег скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Операционная комната двери звенела, как струна; редкий снег скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и тоннель под набережной дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Глеб.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

– Город любит тех, кто платит вовремя. – сказала Майя.

– Тогда рассчитаемся честно. – ответил Ратник.

Из щели веяло речным холодом; он пах не злом – порядком.

Ночь держала город в ладони, и кромка обратного города дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и тоннель под набережной дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и тоннель под набережной дышала гулко, как большой инструмент. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и дворик с мокрой плиткой дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые сче-

та. — До рассвета мало времени, — сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод — гуще; оставалось решить, чем платить.

Подмостовая галерея звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. — До рассвета мало времени, — сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

Глава 2. Красная нить

Под ногами был скользкий камень, а над головой — глухая арка: операционная комната двери знала их имена лучше, чем люди. От камня шёл сухой холод, как от старого погребя, где держат забытые счета. — До рассвета мало времени, — сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и развязка у порта дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. — Я не плачу живым, только согласиём. — сказала Майя.

— Всё решит эквивалент. — ответил Коллекционер.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и архив мостовой службы дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: кромка обратного города знала их имена лучше, чем люди. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Водомерный павильон у реки звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Глеб.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

– Ты держишь нить? Тогда держи и слово. – сказала Майя.

– Я не боюсь счета, я боюсь недовеса. – ответил Ратник.

Гул пролёта стал ровнее, и в этом равенстве уже слышалось обещание решения.

Ночь держала город в ладони, и архив мостовой службы дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Тоннель под набережной звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Архив мостовой службы звенела, как струна; ветер с воды

скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и операционная комната двери дышала гулко, как большой инструмент. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Глеб.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: кромка обратного города знала их имена лучше, чем люди. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Глава 3. Отголоски соли

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: дворик с мокрой плиткой знала их имена лучше, чем

люди. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: дворик с мокрой плиткой знала их имена лучше, чем люди. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Водомерный павильон у реки звенела, как струна; морось скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Склад с ржавыми клёпками звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Я вернусь с правильной ценой, – пообеща-

ла она самому камню.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и операционная комната двери дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Глеб.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

– Ты держишь нить? Тогда держи и слово. – сказала Майя.

– Я не боюсь счета, я боюсь недовеса. – ответил Ратник.

Из щели веяло речным холодом; он пах не злом – порядком.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Глеб.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и операционная комната двери дышала гулко, как большой инструмент. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: кромка обратного города знала их имена лучше, чем люди. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и дворик с мокрой плиткой дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Архив мостовой службы звенела, как струна; сырой туман скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счёта. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

Щель дернула уголкем, как будто прищурилась, и погасла

прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и операционная комната двери дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Глава 4. Ключ без ушка

Тоннель под набережной звенела, как струна; мелкий дождь скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Нижняя площадка семного моста звенела, как струна; редкий снег скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Коллекционер.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Операционная комната двери звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и подмостовая галерея дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Нужно быть точнее, – прошептала Майя и спрятала дрожь в карман вместе с тетрадью.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: нижняя площадка Семного Моста знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Глеб.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

– Если ошибёмся, дверь возьмёт больше. – сказала Майя.

– Тогда рассчитаемся честно. – ответил Ратник.

По воде пробежала длинная полоса света, и шов на мгновение стал похож на стрелку весов.

Дворик с мокрой плиткой звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Кромка обратного города звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погребца, где держат забытые счета. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: подмостовая галерея знала их имена лучше, чем люди. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Глеб.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Нижняя площадка сёмного моста звенела, как струна; морось скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Нужно быть точнее, – прошептала Майя и спрятала дрожь в

карман вместе с тетрадью.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: водомерный павильон у реки знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и кромка обратного города дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Глава 5. Записная книжка

Дворик с мокрой плиткой звенела, как струна; морось скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала.

щала она самому камню.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Склад с ржавыми клёпками звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: дворик с мокрой плиткой знала их имена лучше, чем люди. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и водомерный павильон у реки дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря

ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Глеб.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

– Если ошибёмся, дверь возьмёт больше. – сказала Майя.

– Тогда рассчитаемся честно. – ответил Ратник.

Гул пролёта стал ровнее, и в этом равенстве уже слышалось обещание решения.

Ночь держала город в ладони, и дворик с мокрой плиткой дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Архив мостовой службы звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось

решить, чем платить.

Водомерный павильон у реки звенела, как струна; морось скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. — Мы пришли не спорить, а считать. — сказала Майя.

— Всё решит эквивалент. — ответил Глеб.

Линия стала тоньше волоса, но холод — гуще; оставалось решить, чем платить.

Подмостовая галерея звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. — Мы пришли не спорить, а считать. — сказала Майя.

— Весы любят точность. — ответил Глеб.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

Водомерный павильон у реки звенела, как струна; сырой туман скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. — До рассвета мало времени, — сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод — гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. — До рассвета мало времени, — сказала она вслух, как буд-

то город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Глава 6. Архив недоданных премий

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Кромка обратного города звенела, как струна; сырой туман скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и подмостовая галерея дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: развязка у порта знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и развязка у порта дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Глеб.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

– Если ошибёмся, дверь возьмёт больше. – сказала Майя.

– Я не боюсь счета, я боюсь недовеса. – ответил Ратник.

Из щели веяло речным холодом; он пах не злом – порядком.

Нижняя площадка семного моста звенела, как струна; морось скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла

прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и операционная комната двери дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. — Мы пришли не спорить, а считать. — сказала Майя.

— Счёт нужно закрыть до рассвета. — ответил Глеб.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и развязка у порта дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. — До рассвета мало времени, — сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод — гуще; оставалось решить, чем платить.

Подмостовая галерея звенела, как струна; сырой туман скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. — Я не плачу живым, только согласием. — сказала Майя.

— Счёт нужно закрыть до рассвета. — ответил Ратник.

Линия стала тоньше волоса, но холод — гуще; оставалось решить, чем платить.

Нижняя площадка семного моста звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. — До рассвета мало времени, — сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и водомерный павильон у реки дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. — Я вернусь с правильной ценой, — пообещала она самому камню.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

Глава 7. Хозяин пролётов

Ночь держала город в ладони, и нижняя площадка Семного Моста дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. — Я вернусь с правильной ценой, — пообещала она самому камню.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и архив мостовой службы дышала гулко, как большой инструмент. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. — Я не плачу живым, только согласием. — сказала Майя.

— Весы любят точность. — ответил Коллекционер.

Линия стала тоньше волоса, но холод — гуще; оставалось решить, чем платить.

Кромка обратного города звенела, как струна; сырой ту-

ман скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. — Это не торг, это учёт. — сказала Майя.

— Всё решит эквивалент. — ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и архив мостовой службы дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. — Я вернусь с правильной ценой, — пообещала она самому камню.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Развязка у порта звенела, как струна; редкий снег скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. — Мы пришли не спорить, а считать. — сказала Майя.

— Всё решит эквивалент. — ответил Глеб.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

— Город любит тех, кто платит вовремя. — сказала Майя.

— Держу. Но цена всё ещё растёт. — ответил Ратник.

Из щели веяло речным холодом; он пах не злом — порядком.

Под ногами был скользкий камень, а над головой — глухая

арка: тоннель под набережной знала их имена лучше, чем люди. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Глеб.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: операционная комната двери знала их имена лучше, чем люди. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Развязка у порта звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Дворик с мокрой плиткой звенела, как струна; морось скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Нужно быть точнее, – прошептала Майя и спрятала дрожь в карман вместе с тетрадью.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Глава 8. Узел из трёх концов

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: операционная комната двери знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Нижняя площадка темного моста звенела, как струна;

редкий снег скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. — Я не плачу живым, только согласиём. — сказала Майя.

— Счёт нужно закрыть до рассвета. — ответил Коллекционер.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Кромка обратного города звенела, как струна; сырой туман скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. — Я не плачу живым, только согласиём. — сказала Майя.

— Всё решит эквивалент. — ответил Ратник.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и архив мостовой службы дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. — До рассвета мало времени, — сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной — как пустая книга.

Под ногами был скользкий камень, а над головой — глухая арка: водомерный павильон у реки знала их имена лучше, чем люди. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отве-

чал лёгкой дрожью. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.
– Весы любят точность. – ответил Глеб.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

– Ты держишь нить? Тогда держи и слово. – сказала Майя.

– Я не боюсь счета, я боюсь недовеса. – ответил Ратник.

По воде пробежала длинная полоса света, и шов на мгновение стал похож на стрелку весов.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: подмостовая галерея знала их имена лучше, чем люди. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Склад с ржавыми клёпками звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погребца, где держат забытые счета. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Тоннель под набережной звенела, как струна; морось скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – До

рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: нижняя площадка Семного Моста знала их имена лучше, чем люди. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Глеб.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Операционная комната двери звенела, как струна; мелкий дождь скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: водомерный павильон у реки знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Нужно быть точнее, – прошептала Майя и спрятала дрожь в карман вместе с тетрадью.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Глава 9. Глухие ступени

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: подмостовая галерея знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и подмостовая галерея дышала гулко, как большой инструмент. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Архив мостовой службы звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и операционная комната

двери дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Нужно быть точнее, – прошептала Майя и спрятала дрожь в карман вместе с тетрадью.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Операционная комната двери звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Глеб.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

– Город любит тех, кто платит вовремя. – сказала Майя.

– Тогда рассчитаемся честно. – ответил Ратник.

Из щели веяло речным холодом; он пах не злом – порядком.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: склад с ржавыми клёпками знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я не плачу живым, только согласиём. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: водомерный павильон у реки знала их имена лучше, чем люди. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласиём. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Ратник.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я не плачу живым, только согласиём. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Глеб.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: подмостовая галерея знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и

делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Коллекционер.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и подмостовая галерея дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Глава 10. Сторож с другой стороны

Кромка обратного города звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Нужно быть точнее, – прошептала Майя и спрятала дрожь в карман вместе с тетрадью.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и тоннель под набережной дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласиём. – ска-

зала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Операционная комната двери звенела, как струна; редкий снег скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Тоннель под набережной звенела, как струна; морось скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Нижняя площадка семного моста звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я не плачу живым, только согласиём. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Глеб.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

– Ты держишь нить? Тогда держи и слово. – сказала Майя.

– Тогда рассчитаемся честно. – ответил Ратник.

По воде пробежала длинная полоса света, и шов на мгновение стал похож на стрелку весов.

Склад с ржавыми клёпками звенела, как струна; ветер с воды скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и операционная комната двери дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Ночь держала город в ладони, и операционная комната двери дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение услышали все трое.

Ночь держала город в ладони, и нижняя площадка Семного Моста дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Ратник.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и тоннель под набережной дышала гулко, как большой инструмент. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Щель дернула уголок, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: подмостовая галерея знала их имена лучше, чем люди. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Глава 11. Один шанс до рассвета

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: тоннель под набережной знала их имена лучше, чем люди. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя. – Весы любят точность. – ответил Коллекционер.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: развязка у порта знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: тоннель под набережной знала их имена лучше, чем люди. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – До рассвета мало вре-

мени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и подмостовая галерея дышала гулко, как большой инструмент. Где-то наверху проезжал автобус, и пролёт отвечал лёгкой дрожью. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Глеб.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

– Город любит тех, кто платит вовремя. – сказала Майя.

– Тогда рассчитаемся честно. – ответил Ратник.

По воде пробежала длинная полоса света, и шов на мгновение стал похож на стрелку весов.

Операционная комната двери звенела, как струна; мелкий дождь скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Глеб.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Архив мостовой службы звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – До рассвета мало времени, – ска-

зала она вслух, как будто город умел отвечать.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Операционная комната двери звенела, как струна; мелкий дождь скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. От камня шёл сухой холод, как от старого погребца, где держат забытые счета. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Архив мостовой службы звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Ратник.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

Ночь держала город в ладони, и нижняя площадка Семного Моста дышала гулко, как большой инструмент. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Нужно быть точнее, – прошептала Майя и спрятала дрожь в карман вместе с тетрадью.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной

– как пустая книга.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: водомерный павильон у реки знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Глава 12. Первый возврат

Ночь держала город в ладони, и склад с ржавыми клёпками дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – До рассвета мало времени, – сказала она вслух, как будто город умел отвечать.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Склад с ржавыми клёпками звенела, как струна; сырой туман скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Счёт нужно закрыть до рассвета. – ответил Коллекционер.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной

– как пустая книга.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: подмостовая галерея знала их имена лучше, чем люди. Запах мокрого железа смешивался с холодной известью и делал воздух тяжелее. – Мы пришли не спорить, а считать. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Ночь держала город в ладони, и дворик с мокрой плиткой дышала гулко, как большой инструмент. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Нужно быть точнее, – прошептала Майя и спрятала дрожь в карман вместе с тетрадью.

С другой стороны кто-то тихо коснулся камня, и это прикосновение слышали все трое.

Подмостовая галерея звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Я не плачу живым, только согласием. – сказала Майя.

– Весы любят точность. – ответил Глеб.

Линия стала тоньше волоса, но холод – гуще; оставалось решить, чем платить.

– Город любит тех, кто платит вовремя. – сказала Майя.

– Тогда рассчитаемся честно. – ответил Ратник.

Из щели веяло речным холодом; он пах не злом – порядком.

Под ногами был скользкий камень, а над головой – глухая арка: подмостовая галерея знала их имена лучше, чем люди. От камня шёл сухой холод, как от старого погреба, где держат забытые счета. – Я вернусь с правильной ценой, – пообещала она самому камню.

Щель дернула уголком, как будто прищурилась, и погасла прямо перед ними.

Тоннель под набережной звенела, как струна; тяжёлый ливень скрывал мелкие шаги и делал звуки длиннее. Свет фонаря ложился полосами, и каждая полоса была похожа на мерку для взвешивания. – Это не торг, это учёт. – сказала Майя.

– Всё решит эквивалент. – ответил Ратник.

Город на секунду выключил фонари, и вода стала чёрной – как пустая книга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.